

— первая среди лучших —

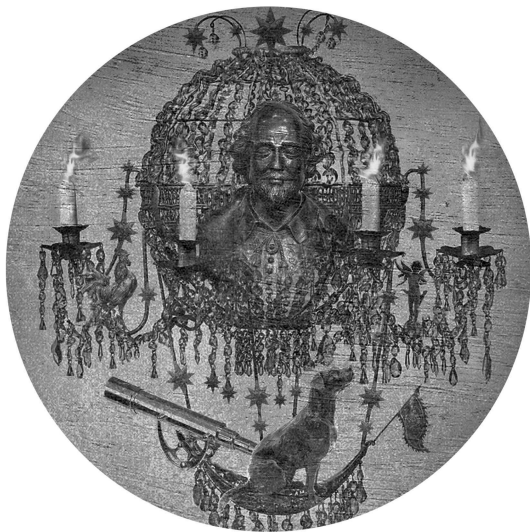
Татьяна Устинова – первая среди лучших!

Читайте детективные романы:

Мой личный враг
Большое зло и мелкие пакости
Хроника гнусных времен
Одна тень на двоих
Подруга особого назначения
Развод и девичья фамилия
Персональный ангел
Пороки и их поклонники
Миф об идеальном мужчине
Мой генерал
Первое правило королевы
Седьмое небо
Запасной инстинкт
Богиня прайм-тайма
Олигарх с Большой Медведицы
Близкие люди
Закон обратного волшебства
Дом-фантом в приданое
Саквояж со светлым будущим
Пять шагов по облакам
Гений пустого места
Отель последней надежды
Колодец забытых желаний
От первого до последнего слова
Жизнь, по слухам, одна!
Там, где нас нет
Третий четверг ноября
Тверская, 8
На одном дыхании!
Всегда говори "Всегда"
С небес на землю
Неразрезанные страницы
Один день, одна ночь
Сразу после сотворения мира
Где-то на краю света
Сто лет пути
Ковчег Марка
Чудны дела твои, Господи!
Шекспир мне друг, но истина дороже

ТАТЬЯНА Устинова

Шекспир тне друг,
но истина дороже
Чудны дела твои, Господи!

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

Оформление серии *С. Груздева*

Устинова, Татьяна Витальевна.

У80 Шекспир мне друг, но истина дороже. Чудны дела твои, Господи! : романы / Татьяна Устинова. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 544 с. — (Татьяна Устинова. Первая среди лучших).

ISBN 978-5-699-86924-4

«Шекспир мне друг, но истина дороже»

В командировке в Нижний Новгород режиссеру Максиму Озерову и его напарнику Феде предстоит записать спектакль для радио. Старинный драматический театр встречает москвичей загадками и тайнами. А прямо во время спектакля происходит убийство. Странной смертью умирает главный режиссер Верховенцев, и на ведущую актрису тоже покушались... Максим Озеров начинает собственное расследование. И время от времени и Максиму и Феде чудится, будто вся эта поездка была придумана не ими, а кем-то неизвестным и всесильным, кто просто захотел поговорить с ними о любви...

«Чудны дела твои, Господи!»

Как только Андрей Ильич Боголюбов вступает в должность директора музея в Переславле, вокруг начинают твориться странные, «чудные» дела. Бывшая директриса внезапно умирает. Ему угрожают и пакостят: прокалывают покрышки, подбрасывают омерзительные записки, подозревают в попытках закрыть музей, даже пытаются убить... Скоро становится очевидно: в музее происходит нечто необъяснимое, грандиозное и темное. Боголюбову всерьез приходится взяться за расследование. И разобраться в своих чувствах к бывшей жене, которая неожиданно и совсем некстати появляется на пороге его нового дома, — воистину, чудны дела твои, Господи!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Устинова Т., 2016
ISBN 978-5-699-86924-4 © Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Шекспир мне друг,
но истина дороже

Всю ночь ревел и грохотал запутавшийся в кровле ветер, и ветка старой липы стучалась в окно, мешая спать. А с утра пошел снег. Максим долго и бессмысленно смотрел в окно — просто чтобы оттянуть момент, когда все же придется собираться. Крупные хлопья кружились в ноябрьской предрасветной метели, медленно падали на мокрый почерневший асфальт, фонари мерцали в лужах уродливыми бледно-желтыми пятнами. Москва из последних сил ждала настоящей зимы — чтобы, как только она придет, начать ждать весну. Максим больше всего на свете любил весну — зеленую, жаркую, полуденную, осоловелую, с квасом из бочки и прогулками в Нескучном саду — но до нее еще жить и жить, и как-то не верится, что доживешь.

Свет бил по глазам, в голове гудело, будто в трансформаторной будке. Ведущий новостного канала — возмутительно бодрый для половины шестого утра — рассказывал, что «предсказанное потепление на европейской территории немного задерживается и ожидается снегопад». «Иди к черту!» — посоветовал ведущему Максим Озеров и выключил телевизор.

Сашка уже убежала на дежурство. В ее умении просыпаться в неизбывно хорошем расположении духа заключалось необъяснимое для Озерова шаманство: Сашка была весела, легка, всегда с удовольствием завтракала и всем своим видом напоминала Максиму породистую деловитую таксу, собравшуюся с хозяином на лису. Сам он так не умел: чтобы встать, ему при-

ходилось заводить по десять будильников, по утрам кровоточили неизвестно откуда взявшиеся за ночь заусенцы. Озеров замерзал, шаркал ногами, сшибал углы и мучился от осознания собственного несовершенства и душевной лености. Сашка его жалела и — если ему случалось уходить раньше — готовила завтрак. Он всегда отказывался, а она его заставляла есть.

На столе стояла чуть теплая турка с остатками кофе и громадная старинная корзина с крышкой, ремнями и потемневшим латунным замочком. Корзина была покрыта махровым кухонным полотенцем. Из-под полотенца торчал полированный термос и оптимистический край краковской колбасы. К корзине был пришпилен листочек с подписью: «С собой».

Значит, снег?.. Максим Озеров с вызовом вытащил из шкафа и оглядел свой красный походный, с подранным рукавом пуховик. Ну пуховик, а что такое?.. Если снег валит, впереди четыреста верст с гаком, значит, пуховик, а вовсе не щегольское пальтецо, на которое он рассчитывал! Предсказанное потепление задерживается, ясно сказано. То есть, видимо, его следует ждать к весне.

— Весна! — продекламировал Максим в тишине квартиры. — Выставляется первая рама! И в комнату шум ворвался! И благовест ближнего храма! И говор народа! И стук колеса!

Хорошо хоть вчера на сервисе проверили колеса — все четыре, — и ни одно не стучит. Он влез в пуховик, закинул рюкзак на плечо, схватил Сашкину корзину — та приветственно хрустнула — и вышел вон.

Озеров гнал свой внедорожник из Москвы, натужно скрипели «дворники», широкие шины с гулом давили мутную воду в раскатанной колее федеральной трассы «Волга», фары резали серую пелену снега и мороси. Вчера он договорился заехать на дачу за Федей — Кратово было по пути, но сейчас Максим надеялся, что Величковский проспит, и тогда он на нем отыграется. Поблуждав немного по старому и очень сонному поселку, Озеров наконец вывернул на нужную улицу.

У ворот одного из домов маячила сутулая фигура, облаченная в ядовито-зеленый балахон, чудовишных размеров брезен-

товые штаны и оранжевые меховые мокасины. Образ завершала надвинутая на глаза банная войлочная шапка с надписью крупной вязью «Пар всему голова». В одной руке фигура держала рюкзак размером с небольшой дом, в другой — Озеров почти не поверил глазам! — бутылку шампанского; по балахону, оказавшемуся сноубордической курткой с львиной мордой на спине, струился черный провод наушников.

Федя Величковский не проспал.

— Господин режиссер! Что же вы мне не сигнализировали? Мы же уговорились, что вы будете звонить! А вы? Надули мальчонку? — Федя, кое-как упихав в багажник свой невероятный рюкзак, бесцеремонно залез в корзину с Сашиними припасами, оценивая обнюхал колбасу и с энтузиазмом и даже с некоторым вождением спросил: — А яйца вкрутую и свежие огурцы есть?..

— Товарищ сценарист! — Озеров зевнул, не разжимая челюстей. — Сарынь на кичку! Садись давай!

— И вам доброго утра!

Хлопнули двери, довольно рыкнул бензиновый «вэ-восемь», и «лифтованный» темно-зеленый с ярко-оранжевым шноркелем джип весело покатил по размытой поселковой дороге.

Величковский сбросил меховые мокасины и, подобрав под себя ноги, как йог, устроился в широченном кожаном кресле.

— Завтракать будем во Владимире на заправке, — распорядился он. — Я все продумал.

Под глупой войлочной шапкой нестерпимо чесалась голова, но Федя твердо решил, что шапку ни за что не снимет. Во всяком случае, пока начальник не обратит на нее должного внимания.

— Угу, — без всякого энтузиазма отозвался Озеров.

Нет уж, одним «угу» дело не обойдется! Величковский почесался и продолжил проникновенно:

— Вы, господин режиссер, заправите свой экипаж, а я — Чайльд Гарольд — буду заедать скверно сваренный кофе сосиской в тесте. Устроившись за столиком у окна, буду смотреть

на стремительные авто, пролетающие сквозь туман из черно-серебристой взвеси снега и дождя в... эээ... — Федя на секунду загнулся, подбирая наиболее пошлый эпитет, — в едва вылупившееся, неприветливое хмурое утро.

— Низкопробно! — вынес вердикт Озеров.

Для Величковского это была вторая поездка, он пребывал в прекрасном настроении, любил весь мир и особенно себя в нем. Приглашение в экспедицию было равносильно вовлечению в круг посвященных, особым знаком, который означал «ты свой среди своих». Что-то вроде высшей правительственной награды и очень закрытого клуба, куда принимали только самых верных, близких и перспективных. «Близким и перспективным» Федя был всего полгода. И никто — даже Озеров — не догадывался, как ему это нравилось!

Командировки придумал Владлен Арленович Гродзовский — генеральный директор «Радио России», акула, столп и Мефистофель радиийного мира. Несколько раз в году Гродзовский именным указом отправлял Озерова — своего главного режиссера, подельника и десницу — в какой-нибудь провинциальный город с театром, где Максим виртуозно и очень быстро записывал спектакли по русской и иностранной классике для Госрадиофонда. Постановки получали европейские премии, уездные театры — славу и небольшой приработок, а сотрудники радио — ощущение причастности и отдыха без отрыва от родного производства. Работа в таких поездках всегда была... чуточку понарошку.

Вот и теперь главный режиссер, лауреат всего и абсолютный профессионал Озеров был уверен, что с чеховской «Дуэлью» в нижегородском Государственном театре драмы управится дня за два. В худшем случае — за два с половиной. А дальше — неделя официальной командировки, когда можно болтаться по городу, бродить по музеям, сходить на комедию в театре, где уже все свои, пить пиво и есть раков в ресторанах на набережных. Именно так сейчас представлялись Озерову «несколько дней из жизни московского режиссера в Нижнем Новгороде».

Работы для Величковского не было никакой — его везли исключительно в награду за труды. Скорее даже авансом. Он был неплохим автором, и Озеров безошибочным чутьем определил, что со временем станет очень даже неплохим!.. Федя талантливо и совершенно бесстыдно писал любую, даже самую лютую конъюнктуру, соблюдал такт, умел задавать вопросы, производить нужное впечатление, знал, когда можно спорить и когда надо согласиться, и не прощал себе халтуры.

Он был ленив, непунктуален, прикидывался фрондером и циником.

Озеров подобрал Федю на утреннем спортивном канале, где тот работал корреспондентом и прославился минутным сюжетом про веломарафон, сумев на спор восемнадцать раз употребить слово «когеренция», да так ловко, что материал вышел в эфир.

Вести машину было тяжело. Снегопад только усиливался, и трассу ощутимо припорошило. Здоровенный внедорожник скользил и плавал в колее, Максиму постоянно приходилось «ловить» рулем его рысканья, а в метели все сливалось: и редкие воскресные машины, аккуратные, настороженные в тумане, и сереющий язык шоссе со смазанной разметкой, и разбитая грязная обочина...

— Ну и погодка! — изрек Федя. Он достал из кармана своих невообразимых штанов электронную сигарету, откинулся на спинку кресла и попытался затянуться — не получилось. — Как это работает?

— Заболел? — Озеров, скосив один глаз на Федю, выхватил у него изо рта сигарету и бросил ее в подстаканник между сиденьями. — В моей машине не курят!

— Они экологичные, — возразил Федя.

— Зафрахтуй во Владимире автобус и кури себе, — пригрозила Озеров, — и сними эту войлочную кепку!

— Ну наконец-то, Максим Викторович! — Федя бросил шапку на заднее сиденье и принялся с упоением, как обезьяна, чесаться. — Я в ней два часа сижу, как дурак, а вы только заметили! Где ваша режиссерская наблюдательность?

— Я машину веду. Наблюдаю за дорогой.

— Все равно, — продолжал Федя с энтузиазмом. — Для нас, работников искусства, самое главное — наблюдать за жизнью и делать выводы. Вот вы делаете выводы из жизни, Максим Викторович? Наблюдаете ли вы за ней?

— Сейчас нет.

— А я наблюдаю всегда! И категорически утверждаю, что любое событие можно восстановить по его финалу! Если вы знаете, чем именно оно закончилось, как наблюдательный человек, вы всегда сможете сказать, что именно послужило толчком! Так сказать, понять, что было вначале — слово или не только слово, а еще кое-что!

— М-м-м, — протянул Озеров, — чего ты начитался-то? Американских психологов? Или на тебя так старик Конан Дойл подействовал?

Перед самой командировкой Федя закончил сценарий по рассказам о Шерлоке Холмсе. Он долго возился, примеривался и в конце концов раскопал какой-то дореволюционный перевод, вот сценарий и получился занятный и совершенно не узнаваемый, как будто Конан Дойл вдруг взял и написал совершенно новую историю.

Максиму так понравился этот сценарий, что он даже начальству его показал. Начальство подумало и распорядилось взять перспективного Федю в Нижний. Мальчик должен отдохнуть, развеяться и почувствовать себя «частью целого».

— И этой фигней обзавелся! — Максим кивнул на подстаканник, в котором болталась электронная сигарета. — Трубку бы лучше купил.

— Я не курю, вы же знаете! Мамаша против, да и вообще Минздрав предупреждает! Но как писателю без цыбареты? Посмотрите вокруг — все вьюжит, все серо, все темно. Пустота и мрачность! В душе хаос и страсть к разрушению!

— Это у тебя в душе хаос и страсть?

— А что? — заинтересовался Федя. — Не заметно?

В Петушках метель пошла на убыль, а во Владимире и вовсе улеглась. Они перелезли через какую-то невидимую стену, за

которой вдруг не осталось вьюги и предстоящей зимы. Небо стало подниматься, черный, сырой от снежной взвеси асфальт высох, стал тут же пыльным, «дворники» впустую скрипели по лобовому стеклу. Какое-то время их джип мчался будто бы по границе между временами года, а потом вдруг где-то наверху ослепительно ярко сверкнуло солнце. Оно брызнуло сквозь дыру в небесах, прорвав облака, залило дорогу, поля, черневший в отдалении лес, искрой блеснуло в зеркале заднего вида бегущей впереди легковушки, отвесно упало на пыльное торпедо джипа. Бесконечную слепую серость сменила контрастная зелено-сизая дымка, пронизанная теплым солнечным светом, последним в этом году.

Они нацепили темные очки — движение получилось синхронным и «крутым», как в фильме про спецagentов и инопланетян. Озера это развеселило.

Вечно забитая фурами владимирская окружная оказалась абсолютно свободной. Федя, провозгласивший себя штурманом и уткнувшийся в «девайс», отбросил его за ненадобностью. Интернет едва шевелился, пробки не загружались, а Озеров знай себе давил на газ — технологии в очередной раз были посрамлены.

— А вы, господин режиссер, знаете, куда править? — спросил Федя. Он выудил из бардачка помятый зеленый атлас и принялся скрупулезно его изучать. — Мы в квадрате Е-14, правильно? Или... или С-18?

И стал совать атлас под нос Озерову. Максим атлас оттолкнул.

— Тут по прямой, Федь. По прямой аж до самого Нижнего. Авось не промахнемся.

Они ехали деревнями. Почему федеральная трасса проложена через деревни? Неудобно это, медленно, небезопасно, да и вообще!.. Федя всегда стеснялся, но ему страшно нравилось это азиатское варварство. Была в нем какая-то правильность — без деревень и дорога не дорога!.. Он любил читать странные названия, угадывать ударения — чем дальше от Москвы, тем проще ошибиться: Ибреть, Липяной Дюк, Ямбирно,

Ахлебинино... Феде было жаль покосившихся, почерневших ветхих деревенских домов, разрушенных то ли вибрациями от многотонных грузовиков, круглыми сутками шедших по прорубленной прямо посреди поселка трассе, то ли злодейским попустительством хозяев, то ли просто каким несчастьем. Поэтому он всегда в каждой деревушке по пути выискивал какой-нибудь крепкий, справный, надстроенный, блестящий свежей, не облупившейся краской дом — просто чтобы радоваться ему и думать: «Вот какая красота!»

Он никогда и никому в этом не признался бы — все же он фрондер и циник, знающий, что жизнь мрачна и несправедлива. Да и лет ему немало, двадцать четыре весной стукнуло. И за плечами у него всего полно — ссора с отцом из-за выбора профессии, университет, гордый отказ от аспирантуры, неудачный роман, неудачный первый сценарий, неудачный первый репортаж!.. В общем, Федя был закаленным бойцом, но до слез жалел бездомных собак и от души радовался справным домикам.

Сразу после Владимира он начал ныть и скулить, что хочет есть и «размяться». Озеров какое-то время отвечал, что он должен быть мужественным и терпеть лишения — это была игра, она веселила обоих, — а потом Максим зарулил на заправку.

Федя затолкал ноги в мокасины, замяв задники, и вывалился наружу.

— Холод собачий! — провозгласил он с восторгом. — Подайте мне шапочку, Максим Викторович, в уши надует!

Озеров кинул ему шапку «Пар всему голова», которую Федя немедленно напялил.

— Вы покаправляйтесь, а я в очередь! Вам эспрессо или капучино?

— В какую еще очередь? — под нос себе пробормотал Озеров, выбираясь из машины. — Откуда здесь очередь?

Небеса сияли, и было так холодно, что дыхание застывало и, кажется, шуршало около губ. Максим застегнул под подбородком воротник пуховика. После долгого сидения в машине его пробирала дрожь. А Сашка думала, что у него будет «пикник на обочине», корзину собрала!..

— Максим Викторович! — закричала высунувшаяся из стеклянных дверей голова Величковского. — Вы припасы-то захватите!

— Балда, — под нос себе сказал Озеров и прокричал в ответ: — Не захвачу! Сам съем!

В помещении заправки было чисто, светло и вкусно пахло — кофе и сдобой. К прилавку с булками стояла очередь, столики в кафе все были заняты. Федя сидел за стойкой у окна на высоком никелированном стуле, второй предусмотрительно придерживал рукой и неистово замахал Максиму, как сигнальщик на борту корабля.

— Что ты машешь?

— Да тут видите какой ажиотаж наблюдается! Теперь вы держите стул, а я пойду в очередь. Вам капучино или эспрессо? Хотите, я принесу из багажника шампанское, вы напьетесь, а дальше я поведу?

— Федь, дуй в очередь. Мне чай. Черный.

— С молоком? — уточнил Федя. — Как кухне Бетси?

Они прихлебывали из больших стеклянных кружек, Федя откусывал попеременно то сосиску, то «улитку сладкую с ванильным кремом». Еще одна сосиска — запасная, — дожидалась на пластиковой тарелке, и Феде весело было думать, что все еще впереди.

— Так что — детали! — провозгласил он с набитым ртом. — Самое главное детали, Максим Викторович. Оскар Уайльд сказал, что только очень поверхностные люди не судят по внешности! Вот к примеру! О чем вам говорит моя внешность?..

Озеров засмеялся и оглядел Федю с головы до ног — тот немедленно натянул шапку «Пар всему голова».

— Твоя внешность говорит мне о том, что ты лентяй, разгильдяй и самоуверенный тип. — Федя с удовольствием кивал. — Какой у тебя рост? Метр девяносто?

— Три, — подсказал Федя. — Метр девяносто три.

— Всякая форма тебе противна.

— Из чего вы делаете такой вывод, Максим Викторович?